

ЛАУРЕАТ "РУССКОЙ ПРЕМИИ"
ПРЕМИИ имени Э. ХЕМИНГУЭЯ
ПРЕМИИ имени Н.В. ГОГОЛЯ

ВАЛЕРИЙ
БОЧКОВ

MAINSTREAM

EROS & THANATOS

ВРЕМЯ
ВОДЫ

Валерий Борисович Бочков
Время воды
Серия «Рискованные игры»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22828778
Время воды: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-83872-1

Аннотация

Часто ли мы задаемся вопросами: что есть Бог и что есть мы? У Анны Филимоновой теперь достаточно времени, чтобы поразмышлять над этим. Случай или чудо спасли ее от неминуемой гибели – разрушительного потопа, накрывшего маленький латышский городок. С высокой церковной колокольни, ставшей ее пристанищем, видно почти все, кроме собственного будущего. По радио сообщили, что есть выжившие, но где-то далеко, в горах. Смастерив из прибитого течением большого контрабаса плот, Анна Кирилловна отправляется на поиски суши. Несколько банок консервов, апельсины и спасательный жилет, подаренный батюшкой, – вот и весь груз ее «ковчега». Кого встретит она на своем пути, что обретет? Настало время неизведанного, настало время воды...

Содержание

Время воды	5
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Валерий Бочков

Время воды

© Бочков В., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

*** * ***

Время воды

За ночь вода поднялась еще на полкирпича. Филимонова присвистнула, наклонилась и процарапала гвоздем новую метку.

Спина затекла. Не вставая с колен, Филимонова медленно разогнулась. Охнула, выпрямилась, подперев кулаками поясницу. Тут главное не торопиться, усмехнулась она, если тебе уже не пятнадцать, обращаться с телом нужно бережно. Этим маем Филимоновой стукнуло ровно пятьдесят. На банкете она, перебрав смородинового крюшона, так и объявила: «Полтинник... Кто бы мог подумать, а? Мне – полтинник! Вот и я вышла в тираж...» А после не на шутку разревелась, сморкаясь в салфетки, громко икая и требуя не обращать на нее никакого внимания.

На сегодняшний день в тираж вышли и все остальные, причем независимо от возраста.

1

Вчера ей повезло: Филимонова выловила семь апельсинов. Один она тут же съела, вытерев об подол и ловко очистив зубами рыжую кожуру, от которой слегка воняло тинной. Теперь от всего воняло тинной, ряской, болотом. «Слиш-

ком много воды, – подумала Филимонова, – и прибывает слишком быстро». Если так дальше дело пойдет, то пропажа консервов окажется не такой уж серьезной проблемой. Хотя, конечно, до слез жаль. Особенно те две банки крабов. В собственном соку – она вспомнила этикетку и рот наполнился слюной.

– Вот ведь мерзавец – красть у одинокой женщины, – и Филимонова, ворча, поднялась, больно ударив плечо о литой край колокола. Громко и от души выругалась. Потревоженный колокол отозвался низким гулом.

– Прости меня, Господи, – пробормотала она, тут же подумав, что в свете последних событий, Он вряд ли всерьез обидится на сквернословие в церкви. Да и не в церкви, собственно, на колокольне. «Считай, почти на свежем воздухе», – решила она.

Филимонова называла себя гностиком – ей нравилось слово, да и беспечная безбожность пионерского детства заложила фундамент. Однако убежденной атеисткой она не была: филимоновское отношение к Богу было почтительно настроженным, ее тип гностицизма вполне допускал существование некой Высшей Силы. Почему бы и нет? На всякий случай она иногда даже ставила свечи и украдкой неловко крестилась в каком-нибудь темном углу церкви, на Пасху непременно красила яйца и от случая к случаю невпопад постилась. Христианское общество, построенное на братской люб-

ви, виделось ей милым идеализмом, впрочем, к организованной религии она относилась с недоверием. Скучные лики икон, мертвый Бог на кресте, выкрашенный розовой краской с красными капельками на лбу и ладонях, аляповатые росписи по стенам, свечной угар – это и есть надежда на спасение души?

Был и личный аспект: Бог Отец, он же Вседержитель, Творец неба и земли, всего сущего – видимого и невидимого. И если к Святому Духу и к Богу Сыну у нее претензий не было, то Бог Отец напоминал ей деда Артема, здорового бородача, пьяницу и охотника подраться. Родители несколько раз сплавляли ее на лето в ту приволжскую деревню, с кряжистыми домиками, воронами над кладбищем, глубоченным колодцем, на дне которого обитало гулкое эхо. Дед, источая сладкий сивушный дух, сажал внучку на колени, сдувал табачный сор с липких леденцов и страшным суковатым пальцем щекотал ее куриные ребра.

Старик Филимонов стал самым жутким воспоминанием детства – никогда ей не забыть то раннее июльское утро, когда она увидела деда Артема, повесившегося на кривой антоновке у сарая. Яблоня зимой замерзла и к следующей весне чернела мрачной корягой среди зелени сада. С тех пор Филимонова не ест яблок, при одном виде у нее перед глазами всплывает перекрученный ремень, белая борода и костистые босые ноги, едва касающиеся острой высокой травы.

Филимонова взгромоздилась на широкий подоконник. Уперла руки в беленые балясины сводчатого окна, подалась вперед. Осмотрелась – да, вода явно прибывала.

Это было заметно и по деревьям. Макушки высоких лип едва торчали из воды косматыми низенькими кустами, в них кое-где еще мутнел утренний туман. Вдали темнела колокольня кирхи и шпиль с крестом. В проеме башенки маячил тощий силуэт пастора, заметив Филимонову, он замахал неуклюжими руками. Та лениво махнула в ответ и отвернулась.

Сейчас она жалела, что так и не заглянула в кирху, не познакомилась с пастором. Иногда, прогуливаясь по липовой аллее, она слышала утробное пыхтенье гудящего органа да щурилась на радужные блики оконных витражей. Пастора, похожего на черную цаплю, она часто видела в городе. Ее кресло стояло у окна, проходя мимо парикмахерской, пастор всегда останавливался и церемонно наклонял голову. Филимонова делала вид, что занята.

Филимонова ловко соскочила на цементный пол, звонко шаркнув подошвами, несколько раз с удовольствием топнула ладными кавалерийскими сапогами. Сапоги были черной, мягкой кожи с высокими голенищами. Чуть велики, правда, так ведь не на танцы, подумала она. Танцы, похоже, закончи-

лись. Она с сожалением оглядела свои ноги, лаковый носок, пятку, наборный каблук – что-что, а танцевать она любила.

Сапоги ей достались от дезертира. Не подарок – скорее балласт. Дезертир улизнул под утро, прихватив мешок с филимоновскими консервами.

Дезертир появился два дня назад. Приплыл на автомобильном баллоне, похожем на гигантский черный пончик, увешанный авоськами и мешками с добром. Он сразу не понравился Филимоновой. Шмыгая носом, дезертир пялился на ее тугую грудь, торопливо бубнил, что надо двигать на запад. При этом махал рукой в сторону кирхи, хотя там определенно был север. Говорил что-то про топографию, Даугавпилсскую возвышенность, что он-де понимает карты и у него есть компас.

«Какая к чертям собачьим возвышенность! – зло подумала Филимонова. – Посмотри вокруг, дурак». Но дурак был прав – нужно двигать. Сидеть на месте нельзя.

Поджав под себя ноги и нервно почесываясь, дезертир торопливой скороговоркой нес околесицу, иногда озирался и, подавшись к Филимоновой, переходил на сиплый шепот:

– Вот этими вот глазами, убей меня Бог! Чего ж я врать-то, Анна Кирилловна, буду?.. Поляка того, Мачека, прям на палубе... он не успел, а люки уже того... Задраили. Так вот они черепушку клювами в два счета, как орех... а после гляжу – мозгом лакомятся... Стервятники.

Филимонова молча сидела напротив, по-турецки сложив

ноги. Огонек коптил, в его прыгающем свете лицо дезертира казалось желтоватым, как сырое тесто. На мизинце она заметила перстенок. Дезертир гордо выставил руку:

– Тайный орден! Не фунт изюма...

В черный агат был впаян золотой паук. Перстень был мал и глубоко впился в жирный палец. Угадав ее мысль, дезертир усмехнулся:

– Застрял. Теперь только вместе с пальцем.

Она посмотрела на его белую грудь, по-бабьи жирную и безволосую, в распахнутом вороте гимнастерки. Подумала: «Зачем он врет? Какие альбатросы в Латвии? Пытается напугать – зачем? – у самого вон поджилки трясутся. Тряпка...»

– А Голландии каюк... И Британии. Может, там какие Альпы еще торчат, хотя за это поручиться трудно, – дезертир поскреб щетину на щеке. – Не поручусь за это. У нас рация накрылась, до этого американцы выходили на связь. Плавбаза «Цинциннати». Капитан Ласточкин говорит – это как город. Бассейны, рестораны, кино... Даже кегельбан есть. Вот бы куда добраться. Но как?

Вокруг, в непроглядной темноте, тихо ворчала невидимая вода, иногда что-то чавкало и царапало по наружной стене. В одном дезертир был безусловно прав – оставаться здесь нельзя. Вода прибывала.

– Я вам не баран! – он погрозил кулаком в темноту. – Какая к бесу присяга? Долг! Я-то знаю, что провизии на две

недели осталось. Даже с урезанным пайком... Что, прикажете дожидаться, когда они друг дружку жрать начнут? Благодарю покорно, это уж без меня как-нибудь. Теперь каждый за себя.

Филимонова почти не слушала треп дезертира, она снова вспомнила школьный автобус на мосту, запотевшие окна, маленькие испуганные лица. Вода, быстрая и мутная, подошла уже к верхним перекладинам опор. На ее глазах мост накренился и автобус, смяв ограждение, медленно, словно нехотя, сполз в воду. Течение подхватило его и потащило, крутя в водоворотах и сталкивая с вырванными деревьями, телеграфными столбами и разноцветным плавучим мусором. Желтая крыша мелькнула и исчезла.

Как же легко я утешилась! Такая же дрянь, как и этот вояка, сижу тут, как ни в чем не бывало. Слушаю треп, как спасти свою шкуру. Или это просто защитная реакция, чтоб не сойти с ума?

Сначала было оцепенение, сознание просто фиксировало происходящее вокруг. Безучастно, как автомат. Филимонова подумала, что, если бы тогда в этом принимали участие разум или душа, наверняка произошло бы короткое замыкание. Она бы просто чокнулась. Тогда у нее внутри что-то заклинило – все чувства оцепенели, застыли. Не было даже страха. Страх появился после, через пару дней, когда стали всплывать в памяти эти картины, этот страшный вой, мост, автобус. Потом пришло отчаяние.

Дезертир служил по снабженческой части. Был интендантом, которых Наполеон советовал вешать без суда через полгода службы. Император оказался прав: под утро вместе с консервами исчезла и колокольная веревка, дезертир срезал ее под самый узел.

В колокол Филимонова звонить не собиралась – она ж не пастор. Вербка, однако, могла пригодиться. Еще досадней была кража консервов. Филимонова съела апельсин, аккуратно спрятала корки в карман широкой цыганской юбки. Облизнула пальцы и стала всматриваться в горизонт.

3

Жизнь представлялась Филимоновой цепочкой нелепых случайностей. Почему спаслась именно она? Тем более в церкви. Да и вообще в этот Кронцилс Филимонова угодила по недоразумению – застряла по дороге из Риги в Ржев. И если уж искать логику или, на худой конец, причину, то виной всему были латышские калачи. Душистые ржаные калачи с тмином.

Замешкавшись в привокзальной пекарне, она прозевала свой поезд. Следующий уходил только утром. Делать было нечего. Жуя горячий калач, она вышла в город: Кронцилс оказался пыльным и сонным захолустьем, с коричневым теневым прудом и ветхой готической усадьбой, которую мест-

ные называли «замок». В пруд забрела корова, так и стояла, лениво кивая большой головой своему рогатому отражению.

Выйдя из парка, Филимонова пересекла пустую площадь и свернула на центральную улицу. Она так и называлась – «Центральная». Она угадала прежнее название улицы – посередине площади в окружении жестких, пыльных кустов торчал пустой постамент, похожий на крашеный серебрянкой эшафот. По дырочкам вырванных букв она прочла имя.

Латышские вывески чередовались с русскими. Кособокие и рябые двухэтажные фасады неплохо было бы подмазать и освежить. А может, и не надо, – Филимоновой сразу пришлась по душе сонная провинциальность и неспешный уклад городка, золотистая пыль в летних лучах, луковка колокольни с горящим боком, темный липовый парк. На треснутой по диагонали витрине парикмахерской к солнечному блику приклеилась бумажка: «Требуется опытный мастер в жен. салон». Ни мастером, ни тем более опытным Филимонова не была – так, стригла институтских подруг, вот и весь опыт. Диплома у нее не спросили, поверили на слово. «Да, в Москве и в Риге работала», – неопределенно ответила она.

Калачи, поезд и объявление торжественно выстроились в логическую цепь, обрели вкрадчивую убедительность знаменья. Именно того, что русские обычно называют плохо переводимым на латышский словом «судьба».

Филимонова лежала на куче тряпья. «На запад, надо дви-

гать на запад» – фраза крутилась в мозгу, не давала думать, сводила с ума. Было жестко, от тряпок несло болотом. «Нужен плот или лодка, колокольню затопит через неделю. Надо двигать на запад. Там горы, там Татры, Карпаты... Наверняка кто-то спасся, уцелел».

Колокольный зев чернел над ней, язык колокола, похожий на пестик от гигантской ступы, целил прямо в лоб. Она закрыла глаза. Раньше ей казалось, что с годами жизнь должна наполниться смыслом, мудростью, на самом деле все шло по убывающей и ничего, кроме ненужного, грустного опыта и скуки, под конец не осталось. Под конец? – спросила она себя. И так же безразлично кивнула – под конец. Страсть, радость, неутолимая жажда – все это когда-то было, и ни с кем-то, а с ней. Ее сердце тогда-то колотилось, безумно хотелось жить. Жить было интересно... Все неуловимо улизнуло... Уму непостижимо...

Вкрадчивое журчание убаюкивало, появились деревенские крыши, пыльная улица, блохастый щенок, спящий в синей тени под лавкой, как же его звали? Он так потешно семенил за ней, когда она бежала на речку. А плавать так толком и не научилась. Сколько ей тогда было? Шесть, семь?

Чередой проплыли полустертые лица подруг. Ни имен, ни фамилий.

«Отчего-то, – подумалось Филимоновой, – я с годами разучилась дружить. А ведь как дружила – захлеб! А теперь, вон, даже имен не вспомнить».

Она задремала, приоткрыв рот и чуть слышно похрапывая.

4

Если долго смотреть на воду, то начинала кружиться голова. Течение было вялым, тусклое небо в обрывках облаков будто приклеилось где-то у горизонта к бесконечной водной поверхности и двигалось теперь вместе с ним, словно намазываясь на барабан тоскливой и немой шарманки. Пейзаж плыл на запад.

Филимонова сидела на подоконнике, свесив ноги наружу. От утреннего азарта и уверенности, что именно сегодня ей должно непременно повезти, не осталось и следа. Пришла тупая усталость. Вода почти касалась подошв, вода прибывала. Ветер гнал мелкую рябь, блики мельтешили в глазах, ей иногда чудилось, что это она и ее колокольня плывут куда-то. Она жмурилась, мотала головой и снова всматривалась вдаль, лениво фантазируя, что вот-вот появится брошенная плоскодонка, беспризорный плот или хотя бы надувной матрас.

Как назло, с самого рассвета течение муторно тянуло мелкий мусор и бесполезный хлам. Мимо плыли сучья и торчащие черными крючьями корни деревьев. Порой солнце за-

рывалось в облака и рябь сразу гасла. Зеркало воды становилось прозрачным, превращаясь в коричневую стеклянную толщу. Присмотревшись, в глубине можно было различить застывшие кроны лип, а чуть глубже, среди скользящих теней, таинственно сияли кресты и золоченые луковицы церкви. Иногда Филимоновой казалось, что она видит тропинку, по которой она когда-то гуляла, скамейки с коваными спинками, надгробья старого кладбища. А потом неожиданно выныривало солнце, вода вновь застывала плоским зеркалом и ничего, кроме отраженных облаков и бескрайнего неба, там уже было не разглядеть.

На горизонте что-то блеснуло. Филимонова вытянула шею, всматриваясь. Нечто гладкое, поймав солнечный блик, загорелось серебристым округлым боком.

«Рыба? – первое, что пришло в голову Филимоновой. – Ну да, как же – рыба-кит!»

Серебристое нечто, влекомое течением, двигалось прямо на колокольню. Филимонова вскочила, ухватила длинный сук, которым она выуживала хлам из воды. Приготовилась. Теперь было видно, что это какой-то шар или баллон, не меньше метра в диаметре.

У Филимоновой от волнения вспотели ладони. Она, зажав палку под мышкой, быстро вытерла руки о юбку и снова вцепилась в свой суковатый багор.

«Явно что-то надувное, может, спасательный плот или брезентовая лодка, – в голове замелькали заманчивые пред-

положения, – наверное, что-то военное, какая-нибудь камера или баллон, вроде дезертирова колеса...»

Предмет приближался, лоснясь и влажно сияя на солнце.

Когда до него оставалось метров десять-пятнадцать, неясное предчувствие мерзким холодком пробежало между лопаток, будто мозг еще не осознал того, что она уже ощутила чутьем. А еще через мгновение набежали облака, солнце потухло, и Филимонова ясно увидела, что было скрыто под водой.

Это была мертвая лошадь. Раздутый живот торчал на поверхности огромным пузырем, а сквозь желтую воду легко можно было рассмотреть большую голову с оскаленными зубами, белую гриву и длинный хвост.

Течение дотащило лошадь до колокольни, копыто зацепилось за выступ. Труп застрял.

– Господи... – выдохнула Филимонова и, стараясь не смотреть, принялась с силой отталкивать лошадь сучком. Вдруг деревяшка сухо треснула, и Филимонова едва не свалилась вниз. Она опустилась на колени и, морщась и стараясь не дышать, изо всех сил начала отпихивать труп обломком палки. Наконец тяжелое тело грузно стронулось и нехотя отчалило, лениво покачиваясь на волнах. Страшный неживой глаз, несколько черных пиявок на белой коже, замедленная плавность гривы – Филимонова зажмурилась. Она сползла на цементный пол, закрыла лицо руками и зарыдала.

– Ну что ты меня мучаешь? Что тебе нужно? – крикнула

она, задрав голову.

5

Унылый колокольный звон незаметно вплыл и вплелся в сон. Филимоновой снилось что-то яркое, южное, – толком рассмотреть ничего не удалось, лишь какие-то быстрые, пестрые пятна, острые веера пальм, а после все погасло и остался лишь нудный звон далекого колокола.

Филимонова открыла глаза, проворчала:

– Вот ведь чухна белоглазая, никакого угомона нет...

Пастор с непонятным упрямством и педантичностью звонил каждое утро. Она вылезла из кучи тряпья. От голода болела голова, но продукты нужно экономить. Особенно после пропажи консервов.

«Вода... Чертова вода. Надо замерить уровень», – думала она, перегибаясь вниз, и тут увидела контрабас. Полированный, с фигурными вырезами, черным грифом и четыремя медными струнами, он приплыл, пока Филимонова спала. Приплыл и причалил, уткнувшись в стену колокольни. От контрабаса пахло мокрым деревом и дорогим мебельным лаком. Филимонова тронула толстую струну, нутро инструмента басовито загудело. Филимонова улыбнулась, прошептала:

– Надо же...

Контрабас неожиданно оказался не очень тяжелым. Филимонова втянула его за гриф. Уложила на тряпье, села рядом, глядя рукой полированные изгибы, провела пальцем по струнам. Сочный низкий гул наполнил свод колокольни, заворчал в жерле колокола и тихо растаял.

– Надо же... – повторила Филимонова. Она задумчиво перевела взгляд на сваленный в угол хлам – ее выуженное богатство: несколько толстых коряг, две отличные сосновые доски, дверца от буфета с медной ручкой, пластиковые бутылки, пара канистр, рыжий буй с обрывком троса.

«Что с тобой, подруга? – сказала она себе. – Теперь-то уж чего робеть. Поздно теперь бояться... Последний шанс. Три-четыре дня и все – крышка». Она заглянула в люк, ведущий вниз, в церковь. Вода добралась уже до верхней ступеньки винтовой лестницы.

– Ну, значит, так... – Филимонова встала, деловито хлопнула в ладоши и принялась с треском рвать тряпки на длинные полосы, помогая зубами и отплевываясь от ниток. Полосы она скручивала в жгуты, связывала их между собой узлами. Дергала, проверяя на прочность. От работы лицо ее покраснелось, она приговаривала: «Так-так-так», локтем и тыльной стороной руки стирала с лица пот и убирая непослушные рыжие волосы.

После она разложила по обеим сторонам контрабаса деревянныешки, прикидывая конфигурацию будущего плота. Дверца

буфета идеально вошла под гриф, получилось что-то вроде подводного крыла. Справа и слева легли бревна и доски.

Филимонова работала с веселой злостью. Приговаривая свое «так-так-так», ловко приспособливая и прилаживая деревянныешки, словно весь муторный ужас ожидания и вся накопленная энергия бесконечного всматривания внезапно прорвались и выплеснулись наружу. У нее закружилась голова, и она, присев на подоконник, вдруг рассмеялась: она вспомнила большую лодку, которую Робинзон построил слишком далеко от моря, которая так и осталась навсегда на суше. Она перетащила контрабас на подоконник, решив, что окончательную сборку осуществит здесь, а после выпихнет катамаран наружу. Тем более что вода уже подползла к самому окну.

6

Небо было огромным, как в степи или открытом море. Филимонова отдышалась и, справившись с дрожью в руках, крутила головой, с замиранием впитывая это ощущение бесконечного вольного пространства. Колокольня оказалась на удивление маленькой, с игрушечной луковкой и крестиком, она тихо уплывала, покачиваясь в своем отражении. У Филимоновой выступили слезы. Как-никак, а именно колокольня спасла ей жизнь.

Она отвернулась и принялась грести в сторону костела. Из доски получилось неважное весло, у Филимоновой было больше надежд на вторую доску – хитроумно прилаженный к корме руль. Из инструментов у нее был лишь консервный нож, как выяснилось, не слишком пригодный в столярном деле, но тем не менее «Чарли» (имя судну было дано в честь Чарли Хейдена, джазового контрабасиста) уверенно держался на плаву и был даже отчасти управляем.

Струны пришлось снять, сплетя их косичкой и обвязав у основания плотным брезентом, Филимонова смастерила плетель, юркую и упругую. И на редкость эффектную – пробуя на хлесткость, Филимонова так увлеклась свистом и блеском выписываемых кругов, что со всего маху стеганула себя по ляжке. Взвыв от боли, она задрала юбку – на ноге моментально вздулась красная полоса в мизинец толщиной.

Было еще рано, часов десять. Филимонова подумала, что привычное деление времени на часы и минуты уже почти исчезло из сознания, все сложнее стало определять, сколько прошло времени – час, два или пять, да и какая разница? Остались лишь день и ночь, рассвет и закат. Солнце вставало за спиной, значит, там восток. Течение тащило ее на запад, а там горы. Теперь все сводилось именно к этому.

Она вглядывалась в воду, иногда ветви деревьев были совсем рядом, можно было потрогать рукой. Филимонова пыталась угадать, где она проплывает, иногда появлялось странное ощущение, словно она парит над землей.

В темно-зеленой глубине появилась черепичная крыша замка с флюгером. Там, внизу, за кованой оградой розовый сад, когда мимо проходишь – такой аромат! Особенно те, желтые, что пахнут как сливочный пломбир. А дорожки посыпаны толченым кирпичом, от которого подошвы становятся оранжевыми. Дальше – открытая ротонда и сухой фонтан с прошлогодними листьями на дне. Подойдешь к балюстраде – такая даль открывается, аж дух захватывает. Далеко внизу гладь реки, широкая и спокойная, с длинными, вытянутыми островами, поросшими сочной зеленью и желтыми мысками уютных пляжей. Там прошлым летом Эдвард учил ее бросать спиннинг, она только путала леску. Потеряла две блесны. А после они ели щучью уху, от которой пахло укропом. А потом валялись в высокой траве, куря его жуткие французские сигареты, которые Филимонова презрительно называла пахитосками, кашляла, но все равно через минуту просила дать затянуться еще разок.

С Эдвардом ничего не вышло не потому, что он на семь лет был моложе – занятно, она даже мысленно не говорила, что это она на семь лет старше.

«В какой же момент я выпала из жизни? То, давнее бегство из Москвы? Как музыкант в оркестре, потеряв ритм, после уже беспомощными нотами тычет в убежавшую мелодию... Так и я. А после все уже как-то наспех, невпопад... И вроде даже не живешь, а пытаешься куда-то воткнуться, пристроиться, да все не так, все мимо. Все наперекосяк».

Филимонова покачала головой.

«Да уж, второе замужество, побег в Африку – то были годы безусловного безумства. Даже по моим вполне безумным меркам».

У холостяка Новицкого горела командировка, без жены его не выпускали. Филимоновой почудилось, что это знак свыше, ее спасенье. Она хотела вырваться из Москвы любой ценой. Цена оказалась неожиданно высокой – Новицкого отправили на три года в Танзанию. Она там от жары чуть не рехнулась и от безделья чуть не спилась. Дар-эс-Салам был страшной дырой, работы в посольстве не нашлось, а за пределами совколонии работать не дозволялось. Новицкий экономил каждый шиллинг – копил на «Волгу» и на кооператив, запрещал включать кондиционер, поэтому весь день Филимонова мокла в тепловатом океане, изредка причаливая к плавучему бару и накачиваясь ананасовым дайкири с дешевым ромом, ожидая как избавления, когда же мглистые облачка над слюдяной Килиманджаро приобретут наконец карамельный оттенок, жара спадет и можно будет пойти домой спать.

7

Пастор, черный и тощий, как сухой стручок, стоял в проеме стрельчатого окна и ждал.

– Вот ведь народ, ни удивиться тебе, ни обрадоваться –

чертова немчура! – ворчала Филимонова, подплывая к кирхе. Откинувшись назад, она уверенно и даже отчасти изящно управлялась с рулевой доской. – Ну хоть улыбнись, что ли, селедка ты балтийская.

Пастор молча наблюдал, как она причалила. Подал ей руку и помог взобраться на подоконник.

– Лудзу... – пробормотала Филимонова, вдруг сообразив, что понятия не имеет, как к пастору обращаться – ни имени, ни фамилии она не знала, – пастор, ну и пастор.

– Вы – дамский мастер, – латышский акцент превратил «е» в «э», придав ее профессии галантный иностранный привкус.

– Парикмахэр, – не удержалась Филимонова.

– Тот солдат уворовал мои сухари, – безо всякого перехода сказал пастор, – говорил про черные альбатросы, а утром – уворовал. Я спал.

– Не солдат, дезертир. Дрянь... У меня мешок консервов утянул, горошек болгарский, лечо, ну, перец... Две банки крабов... В собственном соку... – Филимонова неуверенно закончила фразу и, замолчав, внезапно ощутила неловкость – говорить было совершенно не о чем.

Она отвела взгляд, разглядывая отсыревшую штукатурку, чертыхаясь про себя и чувствуя, что у нее начинают гореть уши, как у школьницы. А вон то пятно похоже на трехногого верблюда, дромадера, как на сигаретах. Новицкий такие курил, без фильтра, называл их солдатскими. Молчание стало

невыносимым, и она спросила первое, что пришло в голову:

– Зачем вы в колокол звоните?

– Делаю аларм, сигнал.

– Надеетесь, что спасут?

Пастор вздрогнул, поджал губы и, чуть запнувшись, спросил:

– Вы верите в Бога?

Филимонова пожала плечами. Неопределенно кивнула.

Пастор резко развернулся, будто хотел уйти. Уйти было некуда, и он широкими шагами принялся ходить из угла в угол. Остановился перед верблюдом и начал ковырять стену ногтем.

– Счастливый вы человек, – пробормотал он глухо, – Бог для вас абстракция. Верхняя сила, как гром и молния.

«Абстракция, ну да... – подумала Филимонова. – Тебе б такую абстракцию...» У нее перед глазами проплыл дед Артем. Снизу вверх – жилистые ноги, холщовое сукно, бородача, ремень на горле...

Пастор подошел к окну и, морщась, уставился на солнце. Свет вспыхнул в седом ежике головы, вода снаружи журчала и весело хлюпала, забираясь под днище контрабаса.

– Я учил: Бог – ваш отец, он любит вас. Он строгий, но все простит, вы только покайтесь... И он простит. И примет в Царствие Свое, – пастор запнулся, что-то пробормотав полатышски.

Пастор повернулся к ней сутулой спиной, Филимонова

видела, как побелели костяшки крепко сжатых кулаков.

– А после этого... – он замолчал на секунду, словно раздумывая, продолжать или нет. – Если Бог поступает так здесь, на этом свете, почему я верю, что на том свете, в Царствии Небесном своем, он будет добр? Да и есть ли оно – Царствие? *His est enim calix sanguinis* – ибо это есть чаша крови... Сына моего? – пастор почти вскрикнул, взмахнув рукой. – Сына! Он сына своего на казнь отправил... Что мы ему?

Филимонова внезапно поняла, как он напуган. Даже не напуган, подумала она, а потерян. Следующая стадия страха, та, что за паническим ужасом... Паралич воли... Люди религиозные вызывали у Филимоновой зависть: она была уверена, что у этих-то все разложено по полочкам, никаких неожиданностей с загробной жизнью. Не все так просто оказалось и тут.

Глядя на тощую шею и бритый затылок, Филимоновой стало жаль старика. Она тронула его плечо, осторожно положила ладонь на спину. Хотелось успокоить его, соврать что-нибудь, рассказать какую-нибудь бодрящую чушь. В голове было пусто, а на душе скверно.

– А может, его просто... нет, – произнесла она тихо. – Не существует его...

Вода тихо хлюпала, журчала. На солнце напоззло облако, вокруг все погасло, стало серым и холодным. Филимонова медленно убрала руку, сунула в карман. Нижняя губа мелко дрожала. «Вот только этого не хватало», – подумала Фили-

монова.

– Это вам... – Филимонова проглотила всхлип и невпопад засмеялась. В руке у нее был апельсин.

Пастор повернулся. Уставившись на апельсин, он скривил рот, сморщился, гримаса скомкала его худое, небритое лицо. Он начал медленно раскачиваться, будто разгоняясь, и под конец беззвучно зарыдал.

8

Ветер стих. Течение лениво тянуло «Чарли» на запад. Вокруг плыли коряги, телеграфный столб, похожий на крест, мусор помельче. Филимонова разглядела школьный глобус. На горизонте, растопыбив корни, ползла вырванная сосна. Рыжий ствол горел на солнце, как ржавая труба.

Филимонова догрызла сухарь. Подтянула ремень на спасательном жилете – подарке пастора. Она не хотела брать, отнекивалась, пока старик насильно не натянул на нее подарок. Жилет был пробковый и обшит оранжевой синтетикой с ярко-лимонными полосками на груди и спине. Из нагрудного кармана торчал обрывок веревки. Свисток, догадалась Филимонова. Она решила не спрашивать историю такого удачного улова. Наверняка жилет приплыл не пустой.

Разбухшие тела и сейчас время от времени всплывали грязными мешками и какое-то время ползли за «Чарли», а после тихо погружались или отставали. Филимонова стара-

лась не смотреть, как выяснилось, привыкнуть к этому не удалось.

Стая уток, истошно крикая, пронеслась над головой. Филимонова вздрогнула и пригнулась. Птицы шумно приводнились, голоса и хлопая крыльями. Угомонясь, принялись нырять, подолгу исчезая под водой.

«А может, вообще нет никакого смысла, – подумала Филимонова, – кто сказал, что должен быть какой-то там высший разум? Если уж даже поп в такое отчаянье впал... Вот я прихлопну, допустим, комара, выходит, для комара я и есть высшая сила, ведь я могла его и пощадить. А может, надо мной, над нами, такая же Филимонова, вздорная бабенка, ветер в башке гуляет. Ей шлея под хвост попала, она – хрясь! – и от нас лишь мокрое место осталось. Какой тут высший смысл, скажите мне на милость?»

Утки закрикали, ругаясь, забили крыльями, как по команде снялись и улетели. Вдали, описывая плавные круги, парили две крупные птицы. Филимонова обернулась, кирха крошечной занозой еще торчала из горизонта, ее колокольни уже не было видно вовсе.

Ноги затекли, осторожно, стараясь не раскачивать плот, она легла на живот, раскинув руки крестом. Позций оказалось не так много – она могла сидеть по-турецки или на коленях. Еще лежать на спине.

Солнце садилось. Она всматривалась в горизонт. Там, на западе должны появиться горы. Рано или поздно. Карпаты

или Татры. Там должны быть люди. Горные деревни, отары овец, виноград, теплое молоко, жесткие пресные лепешки с привкусом дыма. Филимонова шурилась, на горизонте поднималось зыбкое марево; розоватая дымка, уплотняясь, превращалась в дрожащие острова с едва различимыми садами и горбатыми мостами, с тонкими минаретами и прозрачными дворцами. Тусклые бусы мерцающих фонарей тянулись вверх и, ускользя, таяли, таяли в небе.

Глаза сами закрывались, разлепить веки трудно – да и зачем? – Филимонова на ощупь просунула кисти рук под веревки. Подумала, как ей все-таки жаль пастора и как вовремя появился жилет, теперь, даже если во сне свалюсь в воду... Про это думать не хотелось, и Филимонова задремала, появились желтые вывески какой-то южной улицы с полосами синих туманных теней, она принялась их разглядывать, уплывая все дальше и дальше.

Кто-то нежный настойчиво тянул ее, вывески здесь уже были неубедительны, сделаны из растекающегося желе. И какой дурак делает вывески из желе, тем более на юге, подумала Филимонова, все ведь растает вмиг. Вывески на юге надо делать из бамбука и страусиных перьев или уж на худой конец вышивать кипарисовыми иголками по шелку. Впереди, за ослепительно белой горой беззвучно играл невидимый оркестр, едва угадывалось тугое уханье большого барабана. Мерный звук приближался, она уже почти увидела барабанщика, необычайно гордого собой, этого красномордого

усаца, пьяницу и волокиту в малиновом френче с золотыми аксельбантами и здоровенной колотушкой в потном кулаке. Бух! Бу-бух!

За мгновение до пробуждения, уже почти вынырнув из сна, Филимонова вдруг поняла, что это гроыхало ее собственное сердце. Во сне она прижалась ухом к гулкому телу контрабаса и слушала свой пульс, многократно усиленный декой.

«Неужели спасение собственной шкуры и есть главная цель жизни?» – подумала Филимонова и открыла глаза.

Огрызок луны пыльным ободом касался горизонта, в размытом отражении проплывали силуэты коряг. Таинственные и жуткие, они топорщили корневища и черными демонами скользили вслед за Филимоновой.

Она высвободила из-под веревки затекшую руку и, растирая запястье, перевернулась на спину. От простора и бездонной высоты у нее закружилась голова. Сначала все было черно, как тушь, – ей на ум пришло странное слово рейсфедер (она никогда не любила черчения), потом проступили яркие звезды. Они сложились в угадываемые созвездия – вон Медведица, вон – Орион, с сияющей Бетельгейзе в левом кулаке. Когда глаза привыкли и замерцал бескрайний Млечный Путь, Филимонова отыскала в нем куропатку, пастуха и даже жабу. Змея, как и положено змее, ускользала, Филимонова никак не могла найти ее. Она плюнула и теперь просто гла-

зела в небо.

– Ладно, черт со мной, кто такая Филимонова, в конце концов! – пробормотала она. – Черт с ним, с Кронцилсом, да и с Латвией – прихлопнули, как комара, и нету... Но как же предположить, что вот эта торжественная механика лишена логики и смысла? Что все эти галактики, миллиарды звезд и миров всего лишь нелепая дурь и сумасшедшая случайность? И что нет ни высшей справедливости, ни высшего добра, ни высшего разума? Нет ничего, кроме желания спасти свою шкуру. Свою старую, никому не нужную шкуру...

Порой в ночи раздавался всплеск, будто играла рыбешка, иногда что-то булькало, словно большие пузыри вырывались на поверхность из глубины. Потом донесся тихий вой, заунывный и едва уловимый. Филимонова, приподнявшись на локте и затаив дыхание, прислушалась, – точно, тоскливая мелодия теперь была отчетливо различима. Ей даже показалось, что теперь мелодию выводят два голоса: к мурному и глухому добавился второй, высокий и печальный.

Голоса становились громче. Стараясь не шуметь, Филимонова встала на колени. Закрыв ладонью луну, она всматривалась вперед. Голоса были совсем уже рядом. Она достала из-за пояса кнут, который сплела из басовых струн. В висках стучало, щековая струйка проскользнула между лопаток. Когда глаза привыкли к темноте, она разглядела прямо по курсу острый конус. Вой доносился оттуда. Постепенно

тьма распалась на квадраты и треугольники, появились балки, перемычки и перекрытия.

«Нефтяная вышка? – изумилась Филимонова. – Что за бред, откуда здесь нефть?»

– Эй, на вышке! – нарочито грубо крикнула она.

Вой оборвался.

Нервно поигрывая кнутом, Филимонова крикнула:

– Ну! Кто там?

Наверху заскулили. Гулко грохнуло пустым железом, как по водосточной трубе, кто-то завозился. Неожиданно вспыхнул фонарь. В его желтом свете Филимонова увидела старуху, к ее ногам жался тощий спаниель.

– А вы не Красный Крест? – спросила старуха, близоруко щурясь. – Без очков беда просто...

Филимонова помотала головой.

– Без очков беда просто, – огорченно вздохнула старуха, – мне б консервов для собачки, – проникновенно попросила она, – хоть баночку... А?

– Сухари есть. Немного.

– Да не ест он сухари... Я и так и эдак, ума не приложу, вот ведь беда, господи.

– Бабуль, ты б фонарь зря не жгла, – посоветовала Филимонова, разворачивая «Чарли» бортом к опоре.

– Фонарь-то... да что фонарь... – безразлично махнула рукой бабка, – фонарь на солнечной батарееке, считай, вечный. Мне б консервов. Для собачки. Вы не Красный Крест?

Филимонова похлопала по крашеному железу опоры:

– Бабуль, а что это?

Старуха осторожно перегнулась вниз.

– Это... Радио это.

Спаниель завыл, по-детски всхлипнул и замолк.

– Ох, ты мой сердешный, – бабка согнулась, прижалась щекой, собака лизнула старуху в лицо, – вишь, доча, как оно вышло-то. Зря мы отделились, сейчас русские солдатики нас вмиг бы спасли. А Европе-Германии до нас и дела нету, мы для них – второй сорт людишки. Потонем – не велика потеря. Я-то свое пожила, старая перечница, туда и дорога, а вот безвинная тварь за что? Или ты, вон, молодуха в самом соку, вся жизнь впереди.

Филимонова невесело усмехнулась про себя: «Как это так вышло – сначала вся жизнь была где-то впереди, все только и талдычили – Анька, у тебя вся жизнь впереди, а после – бац! – и полтинник. И впереди унылая старость с таблетками и болью в пояснице, а вся жизнь, оказывается, уже проскочила».

– Бабуль, а где мы? Что за место?

– Елгава, доча, Елгава. У нас тут такие места... – мечтательно протянула старуха и вдруг, оживясь, – меня-то по распределению направили, я ведь техникум Куйбышевский окончила. По мостам и мостовым конструкциям, а тут как раз станцию начали. Третья ГЭС по энергоемкости. А живу я в Жаворонках, хоть и далеко от центра – так на кой мне

центр, я уж на пенсии, да и Лоренцу там полное раздолье. Он в бору белок гоняет – будьте любезны. Пес ведь охотничий, с родословной, дипломами вся зала увешана. Только из меня-то какая охотница, – бабка хихикнула и подмигнула, – я, доча, свое уже отохотила. Теперь вот зверобой собираю, липовый настой тоже хорош. Я к нему василек добавляю – так, для красоты, голубенько. Во ржи, знаешь, по обочинам. А кофе врач запретил, еврейчик, забыла как его, чистенький такой, аккуратный. Говорит, у нас, Александра Васильевна, – гемоглобин и аорта, нам кофеин совсем не к чему. Хотел на обследование положить в Дубулту, там финны такой центр отгрохали – будьте любезны, министры из Москвы ездят. Но я, знаешь, доча, врачам не очень... – зашептала бабка доверительно, – как они Бориску-то моего залечили. К ним ведь попадешь – обратно живым не выйдешь.

Филимонова слушала вполуха. Выходит, течение сносит ее на северо-запад. Филимонова представила карту, до Елгавы километров сто двадцать, она их прошла за сутки. В любом случае, хорошо, что ее не тащит в залив. Она боялась оказаться в Балтике.

Вдруг над водой возник звук, от которого у Филимоновой зашевелились волосы. Собачонка, присев, вжала голову, а старуха быстро перекрестилась. Это был нечеловеческий, мяукающий и тоскливый вой.

– Господи... – прошептала Филимонова.

– Сатана души грешные собирает... – испуганно пробормо-

мотала старуха, – сатана...

Вой висел в ночи, потом стих. Старуха выключила фонарь, тихо сказала из темноты:

– Ты уж постарайся, доча.

9

Такого тумана Филимонова никогда не видела, казалось, из него даже можно было что-нибудь слепить при желании. Гладкие бока контрабаса были мокрыми и скользко скрипели под пальцами. Медные колки на конце грифа едва угадывались в молочном мареве.

Филимонова развернула рулевую доску так, что «Чарли» постоянно сносило на запад. Должно было сносить на запад.

«Даугавпилсская возвышенность, – ворчала она, вспоминая треп дезертира, – Даугавпилс на востоке, умник. Тебя-то на твоём колесе куда, интересно знать, занесло... С моими-то консервами. Вот ведь дрянь...»

Филимонова ладонью стерла влагу с лаковой поверхности контрабаса, достала консервный нож, помедлила в нерешительности, а после нацарапала кружок и написала «Кронцпилс». Вверх провела волнистую линию, река Даугава. Перпендикулярно реке начертила вогнутую дугу – Рижский залив. На пересечении дуги с рекой выцарапала кружок и написала «Рига».

Филимонова с детства обожала разглядывать карты, на

дачном чердаке как-то раскопала старинный атлас. Лежа на животе и вдыхая горячую летнюю пыль, часами елозила пальцем по округлым материкам с воинственными мускулистыми туземцами, подталкивала ажурные каравеллы, летящие на пузатых парусах по бушующим океанам, чьи пенные воды были населены усатыми морскими драконами, жуткими спрутами и пучеглазыми рыбами.

– Вот тут Дзинтари, – пробормотала она, – хотя это неважно. Елгава должна быть здесь, ниже...

Она нацарапала кружок и соединила его с Кронцпилсом.

– Вот так.

В тумане стали попадаться прорехи, уже можно было различить воду у бортов. Похоже, вставало солнце. Филимонова опустила руку, ей показалось, что течение усилилось. Вдруг «Чарли» ткнулся во что-то мягкое и застрял. Его стало разворачивать поперек потока, Филимонова налегла на руль, пытаясь выровнять накренившийся плот. Чертыхаясь и разгоняя курящийся туман ладонью, она наклонилась, пытаясь разглядеть, на что это она наскочила. «Похоже на скрученный рулоном ковер... с пятнистым орнаментом», – подумала Филимонова. И тут она увидела копыта. Это был жираф.

шлой ночью Александру Васильевну, оказались стаей тощих шимпанзе. Огромный вяз, на котором они обосновались, зацепился за шпиль костела и топорщил обглоданные сучья в светлеющее небо. Над водой висел устойчивый запах зверинца.

Приматы прекратили возню и, застыв, настороженно уставились на проплывающую мимо Филимонову. От пристальных взглядов ей стало не по себе, она вспомнила, что эти милые мартышки – каннибалы. Она сочувственно помахала им рукой.

В кильватер пристроилось двухметровое бревно. Приглядевшись, Филимонова различила среди наростов пару внимательных глаз. Она испуганно вскрикнула и принялась наотмашь лупцевать воду кнутом, поднимая веер брызг и истошно крича: «Ах ты гадина! Вот сволочь!» Крокодил с притворным безразличием зевнул и отстал.

Филимонова раскраснелась, от сырости волосы стояли дыбом. Тяжело дыша, держа наготове кнут, она крутила головой, вглядывалась в коричневую тьму, с омерзением представляя всех этих чешуйчатых гадов, рептилий и амфибий елгавского террариума, что притаились на глубине. Солнце встало и уже пекло всюду. Парило, сырая духота дурманила, было душно. Потная блузка прилипала и резала под мышками.

Течение усилилось. Вода теперь закручивалась воронка-

ми, маслянисто перекатывалась упругими струями, вспучивалась пузырями и бурунами. Мартышкин остров почти исчез из виду, Филимонова еще раз обернулась – все, Елгава осталась позади.

– Курс – норд-вест! – громко скомандовала она, налегая на руль и разворачивая плот. «Чарли» послушно подчинился, весело прыгая на перекатах, зарываясь грифом и обдавая Филимонову брызгами. Она осмотрела размокшие веревки, проверила крепления боковых бревен. Узлы ослабли и растянулись. Она попыталась подтянуть крепления, но плот так болтало, что Филимонова оставила эту затею. Вцепившись в веревки, она распласталась на контрабасе.

– Главное, чтоб не вынесло в море, – бормотала Филимонова, – в море вынесет – каюк. Крышка. Хотя, какая здесь крышка – крабы сожрут, вот и все похороны.

Скользя локтями по мокрому лаку, Филимонова приподнялась, вглядываясь в танцующий горизонт. Бревна с мокрым стуком налезали друг на друга, носовая доска громко шлепала, а иногда зарывалась в воду, окатывая промокшую насквозь Филимонову.

На буруне «Чарли» подскочил – Филимоновой показалось, что она летит, – а после со всего маху ухнул вниз. Раздался треск. Это трещало старое полированное дерево. Очень скверный треск. словно внутри контрабаса что-то лопнуло, что-то непоправимо сломалось. Филимонова уви-

дела белую трещину, разрезавшую ее карту между Ригой и Елгавой и уходящую вниз по деке. Неужели все? Вот ведь глупость... Сквозь тошную муть она увидела, что плот несет прямо в огромный водоворот, здоровенная сосна впереди вынырнула, как поплавок, корни пронеслись горгоновой шевелюрой, закрыв солнце. Оторванная белая дверь скользила по кругу, быстро приближаясь к центру водоворота. Подскочив, будто щепка, исчезла в воронке.

Она поняла, что тонет. Корпус контрабаса быстро наливался тяжестью. Вода перекатывалась уже через верхнюю крышку. Филимонова встала на колени, проверила замок на спасательном жилете и перевалилась за корму. Вода оглушила. Звук на секунду исчез, пузыри понесли куда-то вниз, под ногами вспыхнуло тусклое солнце. Она вынырнула, голова шла кругом. Кашляя и отплеываясь, осмотрелась, «Чарли» нигде не было. Течение тянуло ее в водоворот.

Филимонова стянула сапоги. Колотя руками и ногами, она доплыла до бревна, оттолкнулась, ухватилась за корягу. Брызги слепили глаза. Она оставила корягу и, торопливо загребая, поплыла против течения, медленно удаляясь от водоворота.

11

Филимонова очнулась. Кто-то тормозил ее. Она открыла глаза.

Белобрысый мальчишка лет двенадцати, закусив нижнюю губу, тряс ее за плечи. Перегнувшись через борт плоскодонки и вцепившись в ляжки ее жилета, он пытался привести ее в чувство, болтая из стороны в сторону.

– Милый, ты мне так голову оторвешь, – раскачиваясь, как пляжный мячик на волнах, сказала Филимонова. – Вот усердный-то...

Мальчишка перестал трясти и быстро убрал руки. Он оказался сероглаз и лопоух, с выгоревшими добела волосами.

Пытаясь забраться, Филимонова чуть не перевернула лодку. Сообразив, что так дело не пойдет, она велела ему сесть на нос, сама же перелезла через корму. Охнув, легла на спину, вытянула босые ноги, пошевелила пальцами, мальчишка улыбнулся.

– Да-а, – протянула Филимонова с сожалением, – а какие сапоги у меня были! Кавалерийские...

Течение стало вялым, вода тащила обычный мусор и разноцветную дребедень. Плыли обломки мебели, обрывки бумаги, куски пластика, подозрительно вздутое тряпье. Справа неровным гребнем торчали верхушки сосен, оттуда беззвучно взмыла стая золотистых пичуг – зарево покрасило полнеба в персиковый цвет, волосы и лицо мальчишки от заката тоже были рыжеватыми. Он сидел на носу, выставив ободранные коленки, упираясь чумазами до черноты ступнями в спасательный круг. Это был настоящий корабельный

круг, красно-белый, с полустертым названием судна по кругу: «Ласточка».

– Елгава где? – спросила Филимонова.

Мальчишка посмотрел на солнце, задумался. Почесал щеку – руки его были не чище ног – и решительно выставил руку, указывая куда-то за спиной Филимоновой.

– А Рига? – хитро щурясь, спросила Филимонова.

Парнишка вытянул другую руку.

Слабая, будто с похмелья, Филимонова привстала и огляделась вокруг. Никаких бурунов, никаких водоворотов – ленивая водная даль.

– Чудеса... – пробормотала Филимонова, собирая волосы в кулак и отжимая их. Вода застучала по дну, поползла холодными струйками по спине. Морщась, она расстегнула жилет, сняла. Подумав, стянула через голову блузку.

Мальчишка хмыкнул и, покраснев, перевернулся на живот.

Филимонова вылезла из юбки, изогнувшись, расстегнула лифчик. Ногой сгребла все тряпье в кучу и, зажмурившись, потянулась – хорошо!

Звонко прихлопнув на ляжке комара, она провела ладонями по бедрам, ухватила большим и указательным пальцами кожу живота – от былой сдобы не осталось и следа.

– А ты говоришь – диета, – усмехнулась она.

Развесила по борту свои тряпки, потом уселась на корму и уставилась на закат.

Солнце уже наполовину ушло за горизонт. Парень, вежливо отвернувшись, лежал на носу. Филимоновой были видны оттопыренные уши и острый затылок, очерченный пушистой каймой света, как у кротких мучеников на полотнах позднего Караваджо.

Умиление сменилось тоской: дети напоминали ей, что она потерпела поражение на всех фронтах – и как мать, и как жена.

Прикрыла рукой глаза, тут же вспомнились больничные звуки – тревожный шепоток, шаркающий линолеум. Горькая вонь убежавшего молока, удушающая до рези в глазах хлорка, запах лекарств, лекарств и снова лекарств. Хруст ампул, словно кто-то обламывает по кусочкам твою душу, тонкую и хрупкую, как первый ледок.

Ей казалось, что общая потеря сближает. Должна сближать. С кем-то, возможно, так и происходит, увы, это был не их случай. Игорь захлопнулся, сам остался внутри. Страстно лелея свою боль, он так и не вышел из педиатрического отделения после той ночи. Он превратился в укор, стал бесконечной пыткой для нее и для себя.

Потом появилась свекровь – чуткая Римма Романовна. Заехав на выходные помочь по хозяйству («ну нельзя ж все консервы, у Игорька гастрит, ему бульончик с гречочками, творожок»), застряла, обосновалась. Из страшной детской сладко потянуло французской парфюмерией.

Тогда Филимонова провалилась в какую-то сонную вату, ей стало безразлично. Главное, не думать, твердила она, главное – ни о чем не думать. Когда очнулась – было уже поздно. Она не винила никого – ни врачей, ни мужа, ни све-кровь. Начавшись с трагической случайности, дальше сюжет развивался пошло и банально: стук кулака по столу и праведный надрыв: «Не смей так разговаривать с моей мамой!» Банальные фразы, нелепые позы. А дальше? Дальше, наре-вевшись всласть под грохот воды в ванной, вслушиваться в вечерний бубнеж из-за глухо прикрытых дверей кухни. А ночью, прикуривая от окурка и следя за красной точкой, сколь-зящей вниз, отстраненно прикидывать: шестой – это доста-точно высоко?

Короче, из первого замужества Филимонова вырвалась как из вражеского котла – оглушенная, израненная, потерянная. С намертво впившимся в душу страхом. Страхом поте-ри.

12

Одежда почти высохла, Филимонова неспешно оделась. Подумав, натянула жилет. Щелкнула карабином.

– Эй, юноша, вы там не заснули на посту? – спросила она.

Мальчишка повернулся. Часто моргая, он застенчиво улыбался. Филимонова улыбнулась в ответ и спросила:

– Тебя как звать-то?

Мальчишка отчего-то смутился, покраснел. Опустив голову, пожал острым плечом. Соломенная челка скользнула на глаза.

– Ну-у, – протянула Филимонова, – оробел. Как барышня прямо. Так дело не пойдет, давай знакомиться...

Она, балансируя, перебралась на нос и присела на корточки перед ним.

– Я – Филимонова. Анна.

Мальчишка, прижав острый подбородок к шее, втянул голову в плечи. Шмыгнув носом, что-то буркнул.

– Что ж, так и будешь молчать? – Филимонова взяла его за плечи. – Ты что, немой? Или язык проглотил?

Мальчишка испуганно вздрогнул, словно ожидая оплеухи.

– Ну, ладно-ладно, – она осторожно притянула его к себе, глядя голову и прижимаясь щекой к теплой макушке, – ну, будет, милый, будет.

«Неужели немой? Немота ведь может наступить из-за шока, нервного потрясения», – думала она, пытаясь припомнить какие-нибудь истории, подтверждающие это. Не к месту вдруг вспомнила, что вместе с «Чарли» погибли все ее запасы: замечательные хлебные корки с привкусом тины, два апельсина, утонул и прекрасный кнут. И нож! Консервный нож, вот дьявол!

– Все будет хорошо, – прошептала она, – все будет просто замечательно. Теперь нас двое, у нас лодка, весла... Вон, у

тебя спасательный круг даже есть... Мы с тобой двинем на запад, там Литва, Чехия, горы. Татры, слышал? Да и Красный Крест наверняка там. Вертолеты, катера, тушенка, молоко сгущенное с галетами...

Она гладила его спину и бормотала несурязицу, совсем не думая, что говорит. Вдыхала его запах и старалась не разрешаться.

От мальчишки пахло летом, летними каникулами в деревне. Его волосы пахли солнцем, детским потом и речкой. Прыжками с мостков «бомбочкой» или «солдатиком» – на счет раз-два-три! – в ледяную зеленую воду под яркой, без единого облачка, синью. Это был запах лета, которое не должно, не имело права кончаться. Оскомины от неспелых ворованных яблок, щекотная божья коровка на коричневой руке – оп! – и взлетела, черный хлеб, посыпанный сахарным песком, что вкусней любого пирожного, занозы, крапивные волдыри, пчелиные жала и прочие благородные, почти рыцарские, раны. Силуэт матери в оранжевой двери, зовущей тебя домой, над ней – неуловимые зигзаги летучих мышей в просветах между черными кружевами лип и мглистый туман, выползающий на опушку остывающего леса.

13

Он заснул, изредка вздрагивая и постанывая. Филимонова, невнятно шепча запутавшиеся колыбельные, где бы-

ли усталые игрушки, и волчок, и умирающий в степи ямщик, проваливалась в сон: в полупустую электричку, шаткую, громкую и бесконечную. Она шла из вагона в вагон сквозь оглушительные тамбуры, разящие мочой и сырой копотью, безнадежно ища кого-то – вспомнить бы кого, – полплясал, издеваясь, уплывал вбок, поддавал снизу, проваливался.

Просыпалась. Удивлялась большой звезде прямо за кормой. Было неудобно, край лодки резал бок, ноги совершенно затекли, но Филимонова, боясь разбудить мальчишку, лишь аккуратно ворочалась, не меняя позы.

Его звали Ян – он начертил пальцем две буквы на дне лодки, это уже утром. Филимонова спросила: «Латыш?» – он кивнул.

В лучах дымного рассвета Ян степенно демонстрировал свои сокровища. Открыл крышку кормового сиденья, гордо разложил по дну лодки свое наследство – хлам, забытый кем-то из рыбаков: спутанный моток толстой лески, полпачки серой окаменелой соли в картонке, заплесневелую буханку ржаного, стальной колокольчик, ржавый, жутковатого вида, самопальный тесак с наборной тюремной рукояткой и хищным, кривым лезвием.

Была еще ржавая консервная банка с высохшей землей и тощими мумиями червяков. И скомканная газета на латышском языке от двенадцатого мая.

Филимонова задумчиво распутывала леску, разглядывая

выложенное добро. Ян сокрушенно разводил руками, изображая указательным пальцем крючок, и азартно мотал головой в сторону резвящейся утренней плотвы. Филимонова взяла банку, покрутив в руках, брезгливо достала дохлого червяка, понюхала. Сморщила нос и уже хотела выбросить за борт, но передумав, кинула червя обратно в банку.

«Безусловно, рыбная ловля решила бы вопрос пропитания, – думала Филимонова. – Нужен крючок. Пацан в два счета натягал бы целый кукан карасей или как их там... Крючок нужен».

Вдруг она хлопнула в ладоши. Ян застыл и уставился на нее. Филимонова вытащила из уха сережку и, невероятно гордая собой, продемонстрировала Яну великолепный золотой крючок. Ян от восторга чуть не опрокинул лодку. Он скакал, закидывал невидимые удочки и вытягивал невероятных размеров добычу. Филимонова тоже отчего-то принялась мычать и жестикулировать. Потом расхохоталась, обняла Яна за плечи и, чмокая в макушку, прошептала:

– Ну видишь, я ж тебе говорила, я ж говорила. Все будет хорошо!

Они подгрести к кленовой роще, верхушки едва торчали из воды, но Ян, обстоятельно хмурясь и очевидно зная толк в деле, быстро выбрал отличное удилище. Обломав сучки, проверил на изгиб. Довольно хмыкнув, быстро и ловко, как бобер, передними зубами очистил кору. Белый и скольз-

кий прут сразу стал похож на настоящую удочку. Из серьги действительно получился замечательный крючок, Ян примотал его каким-то хитрым рыбацким узлом. Вместо поплавка прикрепил пробку.

– Дело за наживкой, – подмигнула Филимонова, устраиваясь на средней скамье и потирая ладони.

Ян колдовал над наживкой. Отказавшись от хлеба – безусловно дилетантский выбор, он пытался ловить мух и пару раз чуть на свалился за борт, заметив наконец укоризненный филимоновский взгляд, мрачно уселся, подперев щеки кулаками. Придвинул пяткой банку, достал скрюченный трупик червя, положил на ладонь, плюнул и начал возить пальцем, размачивая.

Филимонову чуть не вырвало. Она поморщилась, сглотнула и, уперев пятки в перегородку, принялась грести.

14

Сырой лещ оказался неожиданно вкусным.

– Жаль, конечно, что мы не японцы, – кивала Филимонова головой, выплевывая за борт мелкие кости, – и не можем оценить деликатес по достоинству.

Мальчишка, хмурясь, напускал на себя взрослую невозмутимость, но его, очевидно, распирало от гордости, облупившийся нос торжественно сиял, веснушки егозили и подмигивали. Да и было от чего.

Поклевки начались сразу, он лишь закинул удочку. Филимонова перестала грести и молча разминала горячие ладони – по опыту знала, когда клюет, к рыбаку лучше не лезть. Независимо от возраста рыбака.

Она видела, как напряглась спина мальчишки, он подался вперед. Филимонова, вытянув шею, привстала. Поначалу она ничего не заметила: поплавок безучастно приклеился к своему отражению и был неподвижен, Филимонова уже собиралась сесть, как вдруг поплавок мелко заплескал, от пробки пошли нервные, частые круги. Потом, так же неожиданно, замер. На него села синяя стрекоза и тоже застыла.

Малек играет, решила Филимонова, припоминая рыболовные наставления Эдварда, который заявлял, что жить в Кронцилсе и не ловить рыбу – преступно. Он возил Филимонову на лесные озера, чистые и глубокие, с пугающе прозрачной водой и мельчайшим, похожим на соль, песком. На озерах (чаще всего они ездили на Лаури, иногда на Кондорское) она бродила по теплomu мелководью, пугая мальков, или загорала на полосатом надувном матрасе. Заплыв на середину, Филимонова склонялась к самой поверхности и вглядывалась в темную глубину. Там, будто в глыбе стекла, застыло волшебное царство: мохнатым можжевельником напозлали изумрудные водоросли на проплешины белого песка, подводные лопухи и папоротники топорщили ладони, над ними призрачно скользили увеличенные до устрашающих размеров темно-бархатные рыбы спины.

Эдвард, в соломенной шляпе и болотных сапогах, рыбачил у берега. После варили уху. Филимонова снимала пену, стряхивая ложку на шипящие поленья. Дым слоился и вытек на лиловую гладь вечернего озера, макушки сосен вспыхивали напоследок и медленно гасли, погружаясь в синий сумрак. Пахло дымом, рыбным наваром, укропом.

Филимонова, не отрываясь, глядела на поплавок, эта неподвижность была подозрительна – ведь стая мальков тюкала бы наживку непрерывно. Вдруг поплавок, не уходя под воду, резко заскользил вбок, она видела, как Ян вздрогнул, ей хотелось заорать «подсекай!», но, благоразумно удержавшись, она лишь закусила губу. Описав дугу, поплавок снова замер. Прошла минута, поплавок был неподвижен.

«Вот ведь сволочь, – сокрушенно подумала Филимонова, – сожрала и ушла».

В этот момент поплавок чуть привстал и лениво лег набок. Скупым и ловким движением – Филимонова услышала даже струнный звон лески – Ян подсек рыбу. То, что это настоящая рыба, а не какая-нибудь мелюзга, стало ясно сразу. Удочка изогнулась в дугу, Ян присел, подался назад. Филимонова помнила, что тут главное не дать слабину, леска провиснет – считай, ушла рыба. Парнишка, несомненно, был тоже в курсе. Он уверенно выводил (Филимонова вдруг вспомнила и это слово) рыбину, следуя ее сильным зигзагам, одновременно не давал ей уйти под лодку. Крупную, матерую рыбу нельзя тянуть как уклейку – махом. Может не выдержать

леска, крупная рыба требует уважительного отношения, ее нужно измотать.

Наконец у самой поверхности неясно вспыхнул зеркальный бок, Ян сделал шаг назад, подтягивая добычу к борту. Филимонова, не выдержала и закричала: «Давай!!» И здоровенный лещ весомо брякнулся на дно лодки и тут же с новой силой заплясал по ногам, шлепая мокрым хвостом и сияя стальной чешуей.

Потом деловито, с невинным детским живодерством, Ян прикончил леща. Орудия тесаком, выпотрошил рыбину, очистил от чешуи. Принялся разделявать, ловко срезая сочное мясо с хребта.

Филимонова подцепила пальцем одну чешуйку и, положив на ладонь, принялась разглядывать ее. Перламутровый кругляш с металлическим отливом напоминал монету.

15

– Прекрати! Сколько раз нужно повторять, честное слово... – со строгой занудностью говорила Филимонова, – там коряги, а он – головой...

Не дослушав, Ян уже летел ласточкой за борт. Выныривал, цепко ухватившись за нос, забирался в лодку и тут же снова сигал в воду.

– Перпетум мобиле, – ворчала Филимонова и добавляла громко: – Ты что ж думаешь, я шучу?! Я тебе говорю – на-

стоящий аллигатор, сама видела. Крокодил! Какой еще гадо-сти в этой воде нет?

Ян тут же изобразил схватку с крокодилом, поочередно выступая в двух ролях: раздирал зубастую пасть руками, одновременно пытался ухватить себя за ногу и утянуть на дно, хватался за горло и надувал щеки, бил страшным хвостом, поднимая фонтаны брызг. Под конец битвы, вскочив на нос, вытянулся, сложив руки как покойник и закатив глаза, шлепнулся за борт.

Пару раз лодка чуть не опрокинулась – Филимонова хваталась за борт.

«Что я ему – мамаша, что ли? Да пусть хоть башку расшибет, макака бесхвостая», – Филимонова на всякий случай натянула спасательный жилет. Ян продолжал изображать покойников – всплывал лицом вверх, ужасно пуча глаза. Филимонова отвернулась.

Не обращая ни малейшего внимания на брызги и качку, она вымыла нож, обстоятельно протерла лезвие подолом, убрала буханку и соль обратно в кормовой ящик. Плотно замкнула деревянной задвижкой. Потирая руки и придумывая, чем бы еще заняться, и вдруг неожиданно для себя самой заорала:

– А ну в лодку! Сколько можно повторять!

Ян сидел на носу, мокрый, с лиловыми губами, и трясся всем телом. Поднялся ветерок, солнце проворно ныряло в

облака и быстро выкатывалось снова, словно кто-то листал страницы. Филимонова села на весла. Исполдлобья поглядывая на мальчишку, – не простыл бы, вон, весь аж синий, как гамадрил. Прикинув, где север, она взяла курс на северо-запад.

Ян перебрался на корму и теперь увлеченно расковыривал ссадину на колене. Когда болячка наконец была содрана и пошла кровь, он переключился на удочку. Перекусил зубами леску и по новой привязал крючок. Занялся поплавком, заменил щепку в пробке, подвигал поплавок вверх-вниз, регулируя спуск. Закончив с удочкой, откинулся назад, плясь в небо и корча рожи. Потом принялся ловить мух. Филимонова неспешно гребла.

16

Как и положено стервятникам, они описывали плавные круги.

Ян их заметил первым, жестикулируя, тыкал рукой поверх филимоновского плеча. Она обернулась. Две крупные птицы, раскинув неподвижные крылья, неспешно парили над горизонтом.

– Фигурное катание просто, – усмехнулась Филимонова, наблюдая за их ленивым скольжением. – Орлы?

Ян замотал головой.

Филимонова вспомнила дезертировы байки про стервят-

ников, пробивающих клювом череп, усмехнувшись, спросила:

– Черные альбатросы, что ли?

Мальчишка часто закивал.

– Ну вот что, ты давай следи за своими альбатросами, а я грести пока буду. Если что – воздушную тревогу объявляй, лады?

Ян серьезно кивнул и тут же организовал наблюдательный пункт на носу лодки. Складывая руки то биноклем, то подзорной трубой, он уже не спускал с птиц глаз.

– Слава богу, воздух теперь под контролем, – добродушно бросила Филимонова через плечо, быстро мрачней и снова проваливаясь в хандру.

Та давняя беда стала только репетицией всех грядущих несчастий – Филимонова была в этом уверена. Как все русские девицы, она с детства была суеверна по мелочам, стучала по дереву, плевалась через плечо, верила в разбитые зеркала, черных кошек, сглаз и пролитое молоко. После смерти Сашеньки она стала сторониться друзей, избегала новых знакомств, безусловно разглядев печать злого рока на своей судьбе. Нахрапистый Новицкий возник очень кстати, Филимонова к тому времени уже всерьез подумывала повеситься – по семейной традиции. У Новицкого горела заграничная поездка. Это было и объяснение в любви, и предложение руки одновременно.

Филимонова согласилась. В возможности исчезнуть (она даже забыла спросить, куда его отправляют) был привкус какого-то волшебства. Однако от перемены мест, увы, сумма не меняется, малоформатный ад, поселившийся у нее в голове, благополучно перебрался вместе с филимоновской головой в Танзанию. Трех лет она высидеть не смогла, ноябрь был пятым месяцем, в среду второго декабря в Москве шел обычный снег с дождем, но аэропорты давали «добро» на посадку в условиях ограниченной видимости.

Да, все верно: не ходите, дети, в Африку гулять, как мантру бормотала Филимонова на все лады, толкаясь в очереди к мрачным пограничницам на паспортном контроле прокурорного насквозь Шереметьева.

«От кого я бегала? – думала Филимонова, лениво шлепая веслами. – От себя самой? Почему боялась жить? Придумывала тысячу оправданий, виня во всем злой рок. Вся жизнь прошла с оглядкой, прошаркала в полноги. Сама с собой крапленой колодой играла. А козыри все черви да черви... Яблочные. Я даже не про регалии, успехи, достижения, хотя и в этом департаменте не так все ладно. Ведь не зря же нам с детства долбили – скромность облагораживает! Вот ведь как удобно – скромность! Никакой ответственности – вот твоя скромность, главное – оставьте меня в покое. И не ври хоть себе про скромность».

Настроение у нее испортилось вконец, но мысли уже нес-

лись сами собой.

«Ведь стыдно, как все-таки совестно, так бездарно, скучно и никчемно прокоптить жизнь. У меня ж университетский диплом. У бывшей парикмахерши, у бывшей ректорши, у бывшего экскурсовода, у бывшей с-меня-взятки-гладки, что там еще затерялось в трудовой книжке бытия? Бывшая жена, бывшая мать, бывшая страстная любовница – везде ставим прочерк. В анкете лишь фамилия, а дальше – не состою, не имею, не являюсь. Да, увы, не сложилось. Какое удобное словцо – не сложилось, и все тут. Вроде я тут и ни при чем. Ох, как муторно...»

Ян вскочил. Мыча, замахал руками. Филимонова увидела, что стервятники теперь гораздо ближе. И теперь стало ясно, что это действительно крупные птицы. Они продолжали выписывать филигранные круги, неспешно приближаясь к лодке.

Филимонова встала. Чернота их оперенья напоминала воронью, с глухим фиолетовым отливом. Равнодушие пернатых обнадеживало, птицы не проявляли интереса к лодке. Однако размеры настораживали – Филимонова никогда не видела таких крупных птиц.

Она вытащила из уключины весло. Взяла его наперевес, словно всю жизнь участвовала в деревенских драках. Ян испуганно кивнул.

Птицы застыли прямо над лодкой. После, сложив крылья, одна за другой ринулись вниз. Филимонова остервенело стала махать веслом и первым делом сшибла за борт Яна. Он тут же вынырнул и ухватился за борт. Филимоновой удалось шваркнуть по крылу одной пернатой твари, другая почти ухватила ее за волосы перепончатой лапой.

Птицы поднялись, покружились и снова спикировали. На этот раз Филимонова не размахивала веслом, а выжидала. Первую тварь она очень удачно сбила, смачно перетянув ее поперек корпуса. Та, каркая, грохнулась в воду, но тут же оправившись, взлетела, обдав Филимонову водой. Второй птице удалось полоснуть ее по плечу. Боли не было, кровь, брызнув, разукрасила красным горохом дно лодки. Вид крови не испугал, лишь разъярил Филимонову. Оскалившись, она что-то рывкнула. Щеки ее пылали, волосы медной копной стояли дыбом, глаза горели, и черт был ей не брат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.